

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-13

Шульженко А. А. | О понимании демократии К.Н. Леонтьевым

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 3080150, Россия; 1252781@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается критика демократии К.Н. Леонтьевым в контексте классической критики ее у Платона и Аристотеля. Находясь на охранительных позициях в отношении русской культуры и рассматривая историческую данность, Леонтьев выдвигает систему критических положений относительно демократии и, в противовес, положения, по его мнению, наиболее важные для успешного развития русской культуры. Под успешностью он понимает не утилитарность, а нравственность, ведущую к внутреннему разнообразию, которое считает эстетическим приоритетом, выражающимся, в частности, в социальной иерархии.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев; критика демократии; русский консерватизм; критика прогрессизма; органицизм

Для цитирования: Шульженко А. А. О понимании демократии К.Н. Леонтьевым // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 1. С. 126-131. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-13

A. A. Shulzhenko | On the Konstantin Leontiev's understanding of democracy

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
1252781@bsu.edu.ru

Abstract. This article examines K.N. Leontiev's critique of democracy in the context of Plato and Aristotle's classical critique of democracy. Being in a conservative position in relation to Russian culture and considering the historical evidence, Leontiev puts forward a system of criticisms of democracy and, in his view, the most successful provisions for the development of Russian culture. Success is seen as not utilitarianism, but a morality that leads to internal diversity, which is considered as an aesthetic priority, expressed, for example, in social hierarchy.

Key words: Konstantin Leontiev; critique of democracy; Russian conservatism; criticism of progressivism; organicism

For citation: Shulzhenko A.A. (2021), "On the Konstantin Leontiev's understanding of democracy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (1), 126-131, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-13

В постсоветские годы философско-политическое наследие К.Н. Леонтьева,

как и его критика, подверглись существенно дополненному переизданию и уточне-

нию. Истоки идей Леонтьева рассматриваются в переплетении с биографическими фактами (Котельников, 2017); к классическому набору суждений о степени правоты и ошибочности, оригинальности и глубины прозрений философа (Константин Леонтьев..., 1995) в 2012 г. добавилась фундаментальная монография О.Л. Фетисенко (Фетисенко, 2012), в которой раскрываются новые грани философских построений Леонтьева и развитие его политических представлений. Описание современного состояния российского консерватизма также не обходится без упоминания К.Н. Леонтьева (Шириянц, 2014; Королева, 2018; Сергеев, 2014 и др.).

Н.А. Бердяев охарактеризовал отношение К.Н. Леонтьева к демократии следующим образом: «В мрачной и аристократической душе Леонтьева горела эстетическая ненависть к демократии, к мещанской середине, к идеалам всеобщего благополучия. Это была сильнейшая страсть его жизни, и она не сдерживалась никакими моральными преградами...» (Бердяев, 1995: 209). Критика демократии дело не новое, еще Платон и Аристотель подмечали недостатки этой политической системы. Но интересен подход Константина Николаевича Леонтьева – чем же он отличается от критики античных гениев?

Платон видел один из главных залогов хорошего, правильного государственного строя в тщательно отобранной и философски воспитанной государственной элите, а не в случайной личности из толпы, выбранной жребием или завоевавшей расположение народа только ораторским мастерством. Ведь человек рождается с определенными предрасположенностями, которые следует правильно развивать, демократия же позволяет царить разнузданным личностям, такие личности могут не заметить приход тирана, и тогда наступит несправедливый строй. Для Платона демократия – лучшее из худших устройств, при котором «свобода вырождается в своеволие, приводит к неповиновению, и тогда чрезмерная свобода оборачивается чрез-

мерным рабством, возникает тирания» (Кудрявцева, 2008: 117).

Леонтьев подходит к проблеме иначе, ему правящая личность важна своими целями, а качества личности – всего лишь помогают в их достижении. Цель – «заморозить» государство на стадии «цветущей сложности», чтобы оно дольше жило, ибо иначе произойдет переход на этап «вторичного смешения», а значит, постепенного упрощения нравов, социальной иерархии, и в итоге – гибели. Демократия служит катализатором процесса «вторичного смешения» и выступает как разрушитель индивидуальности; для Леонтьева ужасно представление, будто все нации начнут жить по единому принципу – это отношение к демократии следует из его триединого закона развития, который постулирует разнообразие как основу всякого развития. Эгалитарные тенденции, западные ценности агрессивно движутся и просачиваются в Россию из Европы, время которой исходит. Леонтьев подмечает, как процесс смешения охватывает страну, и считает, что либерализация и демократизация социальных институтов, эгалитаризм классов и умов ведут к разложению. В техническом прогрессе мыслитель видит опасность, ибо новые технологии бьют по социальному расслоению, дают больше возможностей среднему классу, который благодаря прогрессу может приобщаться к «элитарному». «Все эти изобретения, повторяю, выгодны только для буржуазии; выгодны средним людям, фабрикантам, купцам, банкирам, отчасти и многим ученым, адвокатам, одним словом, тому среднему классу, который в книге Бокля является главным врагом царей, положительной религии, воинственности и дворянства» (Леонтьев, 2010: 207). Но не только для социального строя опасен технический прогресс, по мнению Леонтьева; он видит в нем удар и по природе, когда для построения «нитей всемирной паутины» вырубают целые леса.

Народ исторически не отрезан от своего прошлого и культурно приучен к

определенным формам общественной жизни; резкая смена строя уничтожает эту культурную индивидуальность, ибо вместо исторически сложившегося пути заимствуются чужие социальные модели, которые неизвестно как приживутся. «Если история есть лишь самое высшее проявление органической жизни на земле, то и тогда разумный реалист не должен быть ни демократом, ни прогрессистом в нынешнем смысле» (Леонтьев, 2010: 27), потому как невозможно игнорировать историческую данность и культурные аспекты нации. Индивидуальность и содержание (характер), а также то, как мы направляем свое стремление и на что оно ориентировано, рождаются из деяний предков. Это – тайный и неуловимый агент, который, как сказал бы Леонтьев, известен только Богу, направляющий наши желания, сформированный в определенной среде. Душевное переживание каждого человека, причисляющего себя к какой-то группе, исходит из того, какие ценностные ориентиры торжествуют в умах этой группы. Учитывая все факторы национального «Я», следует крайне осторожно относиться к резким переменам социального строя, ибо среда как основа приемлемого и неприемлемого имеет особую специфику и индивидуальность; эталоном в ней является так называемая «культурная личность» – человек, который концентрирует если не всю, то исключительную приверженность и своеобразие, соответствующую общенациональной среде. Как жить такому своеобразию, и каковы страдания тех, кто понимает это своеобразие в мире победившего демократизма?

Свобода, к которой стремится либеральный прогресс, бросает человека в жерло «всеусредненного» равенства, не просто равенства положения, но и равенства умов. Это равенство всех со всеми губительно для разнообразия, потому как любой строй, по Леонтьеву, на своем культурном пике внутренне разнообразен. Так сама цель государственного и культурного движения, в которой постулируется равенство,

ведет к «вторичному упрощению». Хоть упрощение после «цветущей сложности» для Леонтьева и является процессом естественным, он все равно нацелен на «подмораживание» пикового состояния, чтобы собрать больше цивилизационных плодов и развить наследие. Эту возможность консервирования состояния России Леонтьев видит в сохранении сословного строя. «Консерватору страшны не столько либеральные учреждения, сколь сама человеческая свобода, в которой видится не дар Божий, но причина греховности, подлежащая обузданию» (Козырев, 2015: 14), – так А.П. Козырев сформулировал приоритеты Леонтьева в критике либерализма¹.

Обуздание, смирение и стеснение – таковы методы борьбы с либерализацией, которая видится мыслителю упадком. Упадок потому, что лучшее смешивается с посредственным, что умирают «стеснительные принципы». Одним из главных стеснительных принципов для Леонтьева является православное христианство, сила и долговечность которого в неизменности формы (у Леонтьева это прежде всего византийское наследие). Все они есть принципы созидающие, потому что люди поколениями жили в этих принципах, и это проверенный путь, в котором человек достигает индивидуальности через религиозность и через нравственность. Ум достигает свободы в тех принципах, которые ориентируют его в строгой нравственно-культурной среде. А иной путь губителен, чрезвычайно неустойчив: «Константин Леонтьев страшился такого исторического развития России, которое увлекло бы ее на антикультурный, гибельный путь. Он надеялся на государственную силу России, на цветение всех форм ее жизни, но не мечтал о всеобщем благоденствии, всеобщей любви, о рае на Земле, ибо такие идеалы противоречат и представлениям о Бо-

¹ Название статьи «Разбиватель стекол» выбрано не случайно: мрачного романтика Леонтьева часто называли очень звучно: то «безумный мечтатель», то «разочарованный славянофил».

гочеловечестве, и возможностям совершенствования человека через беды, опасности, нравственную борьбу» (Корольков, 1995: 9).

По настроению в народе Леонтьев судит об этапе развития государства. Правильным устройством он считает власть сильного монарха вверху и крестьянскую общину внизу; средний же класс представляется оппонентом, он всегда (немного) либерален и создает шедевры в борьбе и неповиновении правительству. Аристотель тоже позитивно выражался о монархии, о той форме монархии, приближенной к справедливости, которая существует во благо общего. «Аристотель рассматривает демократию как качественно худшую форму государственного строя по сравнению с тремя идеальными, “правильными” (полития, аристократия, монархия), но как лучшую, то есть более приближенную к справедливости, более умеренную (*μετρίωτατη*) из реально существующих отклонений от идеальных государственных типов (демократия – отклонение от политики, олигархия – от аристократии, тирания – от царской власти)» (Кудрявцева, 2008: 118). Леонтьев же, в отличие от Аристотеля, ориентирован скорее не на общее благо, а на величие наследия, на эстетическую ценность. Леонтьев поэтому критикует демократию за антрополатрию, непрочность и простоту ценностных систем, которая не помогает осознать или овладеть внутренним злом, а является попыткой избежать зла. Страх перед злом естествен, но он является глубокой частицей человека и избежать его невозможно. А построения, что не помогают осознанию и изучению человека, а только отрицают части его природы, смотрятся односторонне и являются упрощающими. Потому Леонтьев относится к демократизации как процессу, уходящему от реального и оставляющему, казалось бы, идеальное. Однако на самом деле это стремления приземленные, ужасно мелочные и уводящие от высокого религиозного духа смирения к личной выгоде и удобству тела, «прогресса, т. е. ле-

гального шествия к невозможному царству блага и всеобщей правды на земле... Зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу» (Леонтьев, 2010: 30).

Либерализация несет с собой власть капитала и новый удар по духовным «стеснительным принципам». Леонтьев предвещает усиленную направленность на телесное в демократии и капиталистическое рабство. «Рабство есть и теперь при капиталистическом устройстве обществ; т. е. есть порабощение голодающего труда многовластному капиталу» (Леонтьев, 2010: 239). Эксплуатация никуда не уходит, она только меняет форму, а эти два фактора – демократия и капитализм – вместе отсекают возвышенные мотивы. «Демократия повела человечество не вперед, а назад, обезличила духовного человека, превратила его в дельца, в труженика для достижения материальных благ» (Леонтьев, 2010: 977). Леонтьев обратил внимание на рабочих, проанализировал их состояние в возможной капиталистической будущности и был уверен, что рабочих ждет новая форма эксплуатации и угнетения, что это чревато социалистической революцией. «Он предсказывал, что “порабощение капиталу” неизбежно приведет Европу (а возможно, и Россию) к социалистической революции...» (Репников, 2007). Помимо «нового рабства», капитализм опасен своей тенденцией к массовой культуре, оскудением эстетических «стандартов», развитием потребительского суррогата культуры.

Леонтьев считал, что, если капитал будет менее подвижен, это поможет охранительным принципам и будет являться некой защитой сословного общества. Этому может помочь даже социализм, если мы рассматриваем его только с экономической стороны. Картина социализма возникает как новый феодализм, именно в рамках государственного экономического регулирования и общинности. Для Леонтьева такое положение дел виделось полностью полезным, ибо это способно удовлетворить

цель «подмораживания России», «в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном или государственном, в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинения одних общин другим общинам, несравненно сильнейшим, или чем-нибудь облагороженным» (Леонтьев, 2010: 251). Однако во главе такого общественно-экономического состояния обязательно должен быть сильный монарх.

Леонтьев негативно расценивал эгалитарные и социалистические взгляды Прудона (см.: Леонтьев, 2010: 149). Нет реальных возможностей построить мир всеобщего равенства, но есть возможность о нем фантазировать. Мечтатели строят проекты «лучшего из миров», но не учитывают человеческой природы, в темных закоулках которой живет зло, естественное для человека. Это зло следует контролировать железной властной рукой, не давая распространяться силе всесмешения. К.Н. Леонтьев был, очевидно, прав, когда говорил, что вместе с эпохой капитализма придет и массовая культура. Его предположения о новом рабстве в эпоху капитализма менее однозначны, ситуация разнится от страны к стране, но для Леонтьева это означает только, что успешные страны обменивали свое своеобразие на комфорт и технику, которые ведут к «вторичному смешению» и упадку, и с этой стороны демократии нет оправдания перед лицом всемирного упрощения и обеднения культуры.

Литература

Бердяев, Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Константин Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 208-234.

Константин Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус.

Христианского гуманитарного ин-та, 1995. 474 с.

Королева, Л.Г. К.Н. Леонтьев об историческом пути России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4. С. 44-51 [Эл. ресурс] URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53> (дата обращения: 24.01.2021)

Корольков, А.А. Константин Леонтьев и судьбы культуры // Константин Леонтьев: Pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: антология: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. С. 1-7.

Котельников, В.А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017. 286 с.

Кудрявцева, Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1. С. 112-126.

Леонтьев, К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.

Репников, А. Русский консерватизм: Константин Леонтьев, 2007 [Эл. ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/book/russkij_konservatizm_konstantin_leontjev_2007-09-21.htm (дата обращения: 24.01.2021).

Сергеев, С.М. Владимир Соловьев и Константин Леонтьев против национализма: заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. 2014. № 1. С. 81-99.

Фетисенко, О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

Шириянц, А.А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 166-183.

References

Berdyayev, N. A. (1995), “Leontiev – a philosopher of reactionary romanticism”, *Konstantin Leontiev: Pro et contra: the personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers, 1891–1917.: anthology: In 2 books. Book 1*, Russian Christian Institute for the Humanities, St. Petersburg, Russia, 208-234 (in Russ.).

Fetisenko, O. L. (2012), “Geptastilisty”: *Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki (Idei russkogo konservatizma v literaturno-*

hudozhestvennyh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX – pervoj chetverti XX veka [Heptastiches: Konstantin Leontiev, his Companions and Disciples (Ideas of Russian Conservatism in Literary and Artistic and Publicistic Practices of the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Century)], Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki (Idei russkogo konservatizma v literaturno-hudozhestvennyh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX – pervoj chetverti XX veka) (1995) [Heptastiches: Konstantin Leontiev, his Companions and Disciples (Ideas of Russian Conservatism in Literary and Artistic and Publicistic Practices of the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Century)], Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Koroleva, L. G. (2018), “K. N. Leontiev on the historical path of Russia”, *Scientific Notes*, 4, 44-51 [Online], available at: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53> (Accessed 24 January 2021) (in Russ.).

Korol'kov, A. A. (1995), “Konstantin Leontiev and the fate of culture”, *Konstantin Leontiev: Pro et contra: the personality and creativity of K. Leontiev in the assessment of Russian thinkers and researchers, 1891-1917.: anthology: In 2 books. Book 1*, Russian Christian Institute for the Humanities, St.-Petersburg, Russia, 1-7 (in Russ.).

Kotel'nikov, V. A. (2017), *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leontiev], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kudryavtseva, T. V. (2008), “Greek philosophers on democracy: pro et contra”, *Filosofiya i obshchestvo*, 1, 112-126 (in Russ.).

Leontiev, K. N. (2010), *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and the Coming Fate of Russia], Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia (in Russ.).

Repnikov, A. (2007), “Russian conservatism: Konstantin Leontiev” [Online], available at: http://www.perspektivy.info/book/russkij_konservatizm_konstantin_leontjev_2007-09-21.htm (Accessed 24 January 2021) (in Russ.).

Sergeev, S. M. (2014), “Vladimir Soloviev and Konstantin Leontiev against nationalism notes from an engaged historian”, *Voprosy natsionalizma* [Questions of nationalism], 1, 81-99 (in Russ.).

Shiryants, A. A. (2014), “Conservatism and Political Parties in Modern Russia”, *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 3, 166-183 (in Russ.).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной научной конференции – IX чтениях памяти Н.Н. Страхова «Интеллектуальная история России XIX– начала XX вв.: линии преемственности и разрывы» (17–19 декабря 2020 г.)

The article is based on the report read at the International Scientific Conference – IX Readings in Memory of N.N. Strakhov “Intellectual History of Russia in the 19th – early 20th centuries: lines of succession and breaks” (December 17–19, 2020).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шульженко Андрей Александрович, выпускник кафедры философии и теологии Белгородского государственного национально-исследовательского университета, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; 1252781@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Andrey A. Shulzhenko, Graduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 1252781@bsu.edu.ru